

Портфель капитана Румба

Автор:

Владислав Крапивин

Портфель капитана Румба

Владислав Петрович Крапивин

Сказки капитанов #1

Действие романа из цикла `Сказки о парусах и крыльях` происходит в конце XIX века. В канун Рождества из заснеженного портового города Гульстаун мальчик по прозвищу Гвоздик вместе с друзьями отправляется на поиски клада и попадает на остров Нуканука. Компания не подозревает о слежке...

Владислав Крапивин

Портфель капитана Румба

Морской роман-сказка для детей школьного, послешкольного и пенсионного возраста

Предисловие и посвящение

Много лет я командовал ребячьим отрядом «Каравелла». Даже носил звание командора. Мальчишки и девчонки в этом отряде занимались парусным делом и очень любили морские истории.

Давным-давно, в 1975 году, в предновогодние дни, мы оказались на занесенной снегами туристской базе на севере Урала. Стоял жгучий мороз, носу не высунешь. И вот, чтобы скоротать вечер у потрескивающей печурки, я начал рассказывать ребятам историю о портфеле капитана Румба, о мальчике по имени Дик и его дядюшке – папаше Юферсе. Впервые... А потом рассказывал множество раз – когда собирались у костров, у свечи или у корабельного фонаря в кают-компании «Каравеллы».

Начинал я повествование всегда по-разному. Например, так:

«За окном каменной каморки сгущались холодные сумерки, а в каморке этой сидели у холодного камина старый разорившийся трактирщик и его десятилетний племянник...»

Или так:

«Это случилось в те времена, когда паровозы были похожи на дымящиеся походные кухни, парусников на морях и океанах плавало не меньше, чем пароходов, а самолеты – даже те, что напоминали коробчатые воздушные змеи из реек и ткани – существовали только на чертежах...»

Или еще:

«Ранним зимним вечером по пустым портовым переулкам бежал человек. За ним бежали еще трое, и один время от времени стрелял в воздух...»

Вот такие непохожие начала. Но дальше речь шла об одном и том же: о событиях то загадочных, то смешных, то страшных. И конечно, о море и парусах.

Поскольку ребята вырастали быстро и на их место в наш отряд приходили новые, слушателей у меня всегда хватало...

Рассказал я о всех этих приключениях и своему взрослому другу Евгению Ивановичу, который понимает толк в морских делах и в морских книгах. И с той поры он постоянно требовал: «Садись и пиши!» Он даже нарисовал для будущей книги портреты главных героев...

И мой младший сын однажды с упреком сказал мне: «Я уже вырос, а ты все только рассказываешь, а не пишешь». (Ему было тогда шесть лет, и он впервые оказался в яхтенном походе по большому озеру с остановкой на живописном полуострове Гамаюн).

Но я боялся. Думал: напишу, ребята будут читать все это в напечатанной книжке, а мне больше нечего будет рассказывать.

Однако пришло время и свой капитанский мостик в «Каравелле» я уступил молодым командирам – пускай они, как и я, покомандуют три десятка лет! И стал таким образом командором в отставке.

Сразу появилось много свободного времени. И я наконец взялся на перо.

Эту книгу я посвящаю очень разным людям, которые одинаково любят паруса, – моряку, художнику и писателю Евгению Ивановичу Пинаеву, пятнадцать лет подряд заставлявшему меня написать о том, что было в портфеле капитана Румба, своему сыну Алешке, капитану яхты «Румб», на которой он не раз занимал призовые места в штормовых парусных гонках.

Автор.

30 сентября 1990 года.

Первая часть

ГОРОД ГУЛЬСТАУН

1. Самое начало. – Огоньки в окнах. – У холодного камина.

История эта берет начало в портовом городе, который жители привыкли называть не иначе как «наш старый добрый Гульстаун».

Ранним зимним вечером, накануне праздника Рождества, город и в самом деле выглядел добрым и уютным. Снег мягко падал на бронзовые памятники, на чугунные тумбы портовых причалов, на реи и снасти стоявших в гавани судов. На судах приветливо горели иллюминаторы. А на берегу светились окна с частыми переплетами. Снаружи у окон висели разноцветные ребячьи чулки. Известно, что дед Мороз по имени Санта-Клаус в ночь перед праздником кладет в каждый чулок свой подарок.

Праздник светился даже в редких окошках громадных портовых зданий. Там, среди складов и пустующих вечерами мастерских прятались кое-где жилые каморки. В них обитали одинокие грузчики, сторожа, старые работницы флотских прачечных, отставные матросы и всякий полубродячий береговой люд. Но и эти бедняки в тот вечер, собравшись по двое, по трое, разжигали сложенные из булыжников каминны и готовились встретить праздник за бутылочкой недорогого вина. И на каждом столе был рождественский фаршированный гусь. Пускай не настоящий, а испеченный из дешевой ржаной муки и размером не с гуся, а с галку, но все-таки с яблочной начинкой...

Лишь в одном окошке, у самой крыши высокого склада, не было света. И чулок у форточки не висел, несмотря на то что в комнатухе за этим окном жил со своим старым дядюшкой десятилетний мальчик.

Вы, конечно, догадались, что это были Дик и папаша Юферс.

Никакого праздника у них нынче не ожидалось. Ведь чтобы Санта-Клаус принес подарок, взрослые должны заранее написать заказ и выложить в кассе дед-морозовской конторы хотя бы пару медных монет. А у папаши Юферса не осталось ни одной. Да и в чулках у Дика были такие дыры, что никакой подарок там все равно не удержался бы.

Не было у дядюшки с племянником и дров для камина, последние щепки сгорели еще утром. Поэтому теперь в камине горела лишь сальная свечка, тоже последняя. А они сидели и смотрели на огонек. Он был так мал, что снаружи окно казалось черным. Но все-таки он был живой – смотришь, и делается немного теплее.

Папаша Юферс кутался в потертый клетчатый плед. Он сидел в скрипучем просторном кресле с резной спинкой и львиными лапами вместо ножек. Кроме дощатой кровати и раскладного железного стола с разобранного на утиль парохода, это была единственная мебель в каморке. Поэтому Дик устроился рядом с креслом на корточках. Время от времени Дик рассеянно зевал, прикрывая озябшие коленки полами куцега пальтишка, и посапывал маленьким, похожим на воробьиный клюв носом...

Пока дядюшка и племянник так сидят и молчат, можно рассказать о них подробнее. Ведь это главные герои нашей книги.

2. Фотография. – Что такое «юферс». – Гвоздик.

Описание книжных героев начинают обычно с внешности. Но сейчас, в полумраке, дядюшку и мальчика не разглядеть. Поэтому посмотрим на фотографию в ракушечной рамке – она висит сбоку от камина. За окном, над недалеким причалом, зажегся на мачте парохода «Колумбия» белый топовый огонь. Свет с быстрыми мазками теней от снегопада полосой прорезался сквозь стекло и упал прямо на снимок.

Это – добротная фотография тех давних времен. Твердая, на плотном картоне. Кстати, она да еще заслуженное кресло с потертой кожей на сиденье – все, что осталось у папаша Юферса и Дика от прежней жизни...

Папашу Юферса мы видим на гнупом венском стуле, который для него маловат и жидковат. На папаше модные клетчатые брюки, светлый сюртук и полосатый жилет. А поверх жилета, обтягивающего обширный живот, – тяжелая часовая цепочка с брелоком-якорем. Голова у папаша Юферса лысая, с клочками седых волос на висках. Лицо круглое, глазки тоже круглые, а нос вообще затерялся среди пухлых щек. Дядюшка старается смотреть строго, но видно, что это человек добродушного нрава, хотя, возможно, временами и вспыльчивый.

Следует сказать, что именно за свою округлость дядюшка получил прозвище «Юферс». Объясняю тем, кто не знает. Юферс – это большой выпуклый блок из твердого дерева. Такими блоками на корабле натягивают стоячий такелаж – ванты, штаги и другие крепкие тросы, которые поддерживают мачты и стеньги.

Колесика внутри юферса нет, а просверлены в нем три отверстия. И поэтому юферс похож на голову толстяка с глазками без бровей и удивленно округлившимся маленьким ртом...

Теперь о Дике. На снимке он стоит рядом с дядюшкой и держит в опущенной руке твердую соломенную шляпу. Ну прелесть что за мальчик! Скромный, послушный, причесанный. В матросской курточке с двумя рядами светлых пуговиц, в отутюженных брючках до колен и блестящих башмаках, поверх которых надеты белые чехлы с кнопками. И полосатые чулки вовсе не драные, а совсем еще новые, с отворотами и с кисточками по бокам... В общем, сразу видно, что сняты дядюшка с племянником, когда жилось им вполне счастливо...

Но не следует слишком полагаться на фотографию. Ведь, по правде говоря, даже в хорошую пору жизни дядюшка Юферс редко надевал выходной костюм. Обычно его видели в полосатой матросской фуфайке. А Дик часто бегал босиком и растрепанные, как пеньковая конопатка, волосы прикрывал не модной шляпой с ленточкой. Носил он матросский берет с мохнатым помпоном, но в конце концов помпон оторвал и привязал к нему нитку, чтобы играть с котом поварахи тетушки Марты. Берет сделался плоским и на маленьком щуплом Дике выглядел громадным.

Однажды, года три назад, папаша Юферс и Дик гуляли по причалам. И попался им навстречу капитан российского клипера «Кречет» Аполлон Филиппович Гущин-Безбородько. Они с папашей Юферсом давно были знакомы, но не виделись несколько лет и сейчас шумно обрадовались друг другу. Потом командир «Кречета» сверху посмотрел на Дика и спросил густым басом:

– А это что за карандаш под блюдцем?

Дик левым глазом глянул вверх из-под берета. И сказал бесстрашно:

– Здравствуйте, капитан! Я – Дик.

– Да-а? – удивился Гущин-Безбородько. – Это прекрасно!.. Только, по-моему, ты не просто Дик, а Гвоз-Дик. Замечательный гвоздик под шляпой. А? – И он объяснил дядюшке и племяннику, что «гвоздик» по-русски то же самое, что «тэк» по-английски, «нагельхен» по-немецки, «клавито» по-испански и так далее, на десятке всяких языков.

Это очень понравилось Дику. Не каждому повезет получить имя от капитана знаменитого клипера. В тот же день все в таверне дядюшки Юферса узнали, что племянник хозяина с этой поры не Дик, а Гвоз-Дик, так и будьте добры его называть. Все быстро к этому привыкли. Тем более что было в маленьком Дике и по правде что-то от крепкого острого гвоздика.

Он почти не плакал, если сильно расшибался или когда попадало от портовых мальчишек. Только съеживал плечи и, прищуря один глаз, сердито смотрел из-под берета. А потом научился крепко и быстро давать сдачи. Кулачки у него были твердые, как кубики для игры в кости. Папаша Юферс ворчал:

– Дикки, если ты хочешь стать капитаном, то, конечно, не должен давать себя в обиду. Но с какой стати ты поставил фонарь нашему юному соседу Джекки Тимсону? Его родители говорят, что он вовсе не задевал тебя!

– Но Тимсон стрелял из рогатки в тети-Мартиноного кота! А ты сам говорил, что надо защищать всех, кто слабее!

Папаша Юферс вздыхал и натягивал на уши племянника берет. Он любил Гвоздика. И тот любил дядюшку. Хотя и не всегда слушался.

Надо признаться, что Гвоздика порой баловали. Как не приласкать сироту? Отец был штурманом на «Генерале Джексоне» и потонул вместе с пароходом семь лет назад. А мать – сестра папаша Юферса – умерла еще раньше от сильной простуды.

С самого малолетства жил Гвоздик у дядюшки. Все, кто работал в заведении папаша Юферса, относились к хозяйскому племяннику по-приятельски. Зазывали на кухню, угощали вкусненьким, делали ему игрушки. Гости таверны сажали Гвоздика себе на колени, гладили по голове и порой дарили заморские диковинки: то клешню большущего омара, то раковину «Антильский шлем», то стеклянного китайского дракончика. А капитан Аполлон Филиппович Гуцин-Безбородько однажды наградил его деревянной куколкой, внутри которой сидела еще одна, а в той еще, и так шесть раз. И всех их звали одинаково – Матти Рёшкинг...

Гвоздик был не жадный. Многие подарки моряков он передаривал в школе одноклассникам. И даже Джекки Тимсону через день после драки отдал японский прозрачный шарик, внутри которого плавали игрушечные, но совсем как настоящие рыбки...

3. Славная таверна. – Книга папаши Юферса. – Печальный конец. – Учитель Нус.

Таверна папаши Юферса называлась «Долбленая тыква». Возможно, потому, что над приземистым деревянным домом поднималась круглая надстройка, увенчанная желто-зеленым куполом. Словно и в самом деле кто-то вырастил громадную тыкву, разрезал, выдолбил половину и водрузил ее на широкую, досками обшитую башню. Над «тыквой» на шесте вертелся, как водится, флюгер-кораблик, а под ним скрещивались железные стрелы, они показывали норд, зюйд, ост и вест.

Моряки со всех сторон света прекрасно знали «Долбленную тыкву». Какой бы пароход или парусник ни приходил в Гульстаун, матросы его и боцманы, штурманы и сам капитан спешили навестить папашу Юферса.

Очень славно было в этой береговой таверне. Под потолочными балками, в табачном дыму покачивались, разумеется, модели кораблей. По углам стояли, конечно, громадные бочки с начищенными медными кранами. Само собой, что на окнах вместо штор висели разноцветные флаги морского сигнального свода, а в простенках красовались, упираясь в потолок, носовые деревянные фигуры со старых бригов и фрегатов: зубастые львы и усатые султаны в чалмах, суровые рыцари и лукавые русалки. То и дело звенела музыка: в стеклянном шкафу двигались рычажки, зубчатые барабаны и шестеренки, а среди них неторопливо крутился медный диск с частыми дырками музыкальной записи. Дисков было в запасе много, их меняли по заказу гостей, и колокольчики в шкафу играли самые разные мелодии. Но, пожалуй, еще лучше были песни, которые то в одном, то в другом углу затягивали морские бродяги (и, конечно, подхватывал весь зал). Ох, какие песни! Душа замирала... Пели здесь и «Малютку Дженни», и «В гавань входит черный клипер», и «В пятницу у мыса Горн», и «Плыла по Миссисипи старая лошадь», и «У моей малютки Джулы зубки в ряд, как у акулы», и (ближе к ночи, притомившись) знаменитую колыбельную:

Го?рю, малыш, не поможешь слезами.

Спи, бэби, в лунной тени у бизани.

Надо признаться, что не всякий час гости «Долбленой тыквы» вели себя мирно. Порой случались тут споры и потасовки. Ну да иначе было бы просто неприлично: что за портовая таверна, если ни одной драки за день? Но кончалось все, как правило, без большого урона – синяками, шишками, да парой сломанных стульев. И тут же – шумным примирением, звяканьем сдвинутых кружек и новой дружеской песней.

Дело в том, что в «Долбленную тыкву» никого не пускали с оружием, это было железное правило. За его исполнением строго следил одноглазый отставной матрос по прозвищу Бобби Брам-стенъга (он был очень длинный).

– Сеньор капитан! – окликал он какого-нибудь гордого испанца в фуражке с галунами. – Соблаговолите оставить ваш кортик на вешалке, он никуда не денется... Мучо грасиас[1 - Большое спасибо (исп).], капитан, вот ваш номерок...

– А ты, приятель! – останавливал он тут же другого гостя. – Зачем этот длинный «смит-вессон»? Он будет мешать тебе за столом, когда ты набьешь брюхо! Тетушка Марта приготовила сегодня отличное баранье жаркое...

Тетушка Марта с двумя поварами хозяйничала на кухне, где шипело, булькало, дымилось и восхитительно пахло. Иногда ей помогали Гвоздик и сам папаша Юферс. Дядюшка любил и умел готовить. Но чаще он проводил время в главном зале, за стойкой, в своем любимом кресле. Под рукой у дядюшки всегда были толстая клеенчатая тетрадь и остро очиненный карандаш. Нет, не для того, чтобы вносить в нее свои доходы и долги посетителей. Папаша Юферс внимательно слушал и записывал морские истории!

Это было страстное увлечение папаши Юферса. Можно сказать даже, главное дело его жизни.

Стоило дядюшкиному уху уловить чей-то интересный рассказ, как он подсаживался поближе. А Гвоздик обычно устраивался рядом. Папаша Юферс лихо строчил карандашом, а Гвоздик замирал от интереса. Он приоткрывал рот и кончиком языка нащупывал темную родинку, сидевшую у самого уголка рта.

Когда Гвоздик был маленький, дядюшка рассказал ему, что это – яблочное семечко. Будто бы оно прилипло, когда Дик угощался яблочным пудингом, да так и приросло. Сначала Гвоздик старался слизнуть родинку, а потом привык просто трогать ее языком, если задумывался или слушал что-то интересное.

А послушать было что! На маленьком остром носу Дика от любопытства даже зажигалась искорка.

Рассказывали, конечно, и про Летучего голландца (каждый раз по-своему), и про знаменитых корсарских капитанов, и про бури у мыса Горн. А были истории – ну совершенно сказочные! О приключениях юнги с галиота «Старый павиан» среди корабельных гномов. О говорящем коте с «Лизелотты», который предсказывал кораблекрушения. О морском узле «кукиш сатаны», который иногда завязывается сам собой на такелажных концах, и если не сумеешь развязать – человек ты конченный... И о том, например, как однажды на полубак «Мавритании» спустился из облаков громадный металлический таз с иллюминаторами и тремя ногами. Из него вышли безголовые парни в десять футов ростом, ухватили подшкипера Бобби Думмера и улетели с ним неведомо куда. Потом Думмера видели в Кейптауне, в трактире «Барабан». Бедняга с перепугу пил там беспробудно целый месяц и рассказывал несусветные вещи: будто летал не то на Луну, не то на Солнце...

По ночам, когда Гвоздик смотрел сны про плавание и приключения, папаша Юферс переписывал из тетради услышанные за день рассказы в толстую книгу с гладкими листами. И тихо вздыхал от волнения. Была у дядюшки мечта: когда все листы окажутся заполненными, он отнесет рукопись в издательство «Гульстаун и весь мир» – туда, где выпускают в свет сочинения о географических открытиях и толстые романы. Может быть, там напечатают и его книгу – «Удивительные истории, слышанные и записанные папашей Юферсом в таверне «Долбленая тыква» и других местах».

Однажды дядюшка не выдержал и пошел в издательскую контору, хотя в рукописной книге оставалось еще немало чистых листов. В издательстве прочитали все «Удивительные истории», а потом редактор – пожилой господин с похожими на сапожные щетки бакенбардами – вежливо объяснил дядюшке:

– Господин Юферс, рукопись ваша весьма любопытна. Да-с... Но в ней, на наш взгляд, чего-то недостает. Как бы это выразиться... какой-то главной, самой интересной истории. Так сказать, стержня!.. Не огорчайтесь. Когда эта история у

вас появится, будем рады встретиться с вами опять...

Дядюшка все-таки, конечно, огорчился. И даже обиделся. Но потом подумал, что ничего не потеряно. Новых историй впереди еще достаточно, а в книге пока хватает незаполненных страниц!

Однако вскоре стало не до книги.

...Ох, как не хочется из уютной «Долбленной тыквы» возвращаться в нетопленную каморку. Но пришло время рассказать о печальном.

Дело в том, что денежные дела папаши Юферса шли не так хорошо, как могло показаться. Пока он по-дружески встречал в «Долбленной тыкве» моряков, пока записывал истории и мечтал увидеть их напечатанными в толстом томе с цветными картинками, в городском банке у него копились не доходы, а долги. Где-то папаша Юферс не вернул вовремя ссуду с процентами, где-то неправильно уплатил налоги, кто-то надул его с векселями. И однажды банк предъявил хозяину «Долбленной тыквы» сногшибательный счет. И дядюшка схватился за голову. Но хватайся – не хватайся...

Когда разоряется честный и добрый человек, принято искать виноватого. Думают обычно, что его обманул, ограбил, пустил по миру какой-то вероломный злодей. Но здесь не было злодея. Банковские чиновники и сам директор даже сочувствовали папаше Юферсу. Разрешили оттягивать, насколько можно, платежи, подсказывали, как выпутаться из беды. Каждый из них был по-своему неплохой человек. Но все вместе – со своими бумагами, кассами, костяными счетами и чернильницами – они составляли машину по имени «Коммерческий банк Гульстауна». А машина, как известно, ничего не чувствует и никого не жалеет.

Все кончилось за два месяца. «Долбленная тыква» была продана, мебель и одежда тоже пошли с торгов. А когда бывший хозяин таверны уплатил последнее жалованье своим бывшим помощникам, оказалось, что у них с Гвоздиком нет за душой ничего. Еле-еле наскребли медяков, чтобы снять каморку под крышей склада. Конечно, иногда помогали друзья, но богачей среди них, увы, не было. Тетушка Марта уехала вместе с котом в деревню. Бобби Брам-стенга устроился подметальщиком в городском парке, другие работники таверны тоже разошлись кто куда... Папаше Юферсу обещали место портового

сторожа, но это лишь весной, а до весны-то еще надо было дотянуть...

Гвоздику пришлось уйти из прежней хорошей школы – там требовалось платить за учение. Дядюшка, вздыхая, записал его в бесплатную школу для бедняков. И попал Гвоздик в класс к учителю Шпицназе.

Учитель этот – костлявый, с бледными глазами и тонкой улыбочкой – никогда громко не ругался, но учеников держал в строгости. Причем степень строгости зависела от его настроения. Если настроение было сносное, тогда еще кое-как можно жить. А если господин учитель приходил в школу, поругавшись с квартирной хозяйкой или посмотрев плохой сон, тогда держись, ребята. Ученики сидели не дыша и пуще всего боялись встретиться с господином Шпицназе глазами. Но он в любом шевелении усматривал нарушение порядка и все равно находил виноватого. И тогда он брал в углу тонкую трость, удобно усаживался на стуле у классной доски и ласково говорил:

– Ну-с, прошу-с, голубчик, ступайте сюда... – При этом длинный плоский нос его белел, а ладони потели от удовольствия. Несчастный понуро шел и укладывался животом к учителю на колени. И орал, и дрыгал ногами, потому что господин Шпицназе так обрабатывал беднягу тростью, что над штанами повисало облако пыли и они, бывало, даже лопались по шву...

Окончив педагогическую процедуру, господин Шпицназе обводил бледными глазами класс:

– Ну-с, кому еще напомнить о дисциплине? Прошу-с...

За эту вот зловещую ласковость и получил он прозвище «Нус-Прошус». Впрочем, чаще его звали просто «Нус» (похоже сразу на «нос» и на «гну́с», не правда ли?).

Гвоздика до поры до времени злая судьба обходила стороной. Но вот однажды Нус пригляделся и спросил:

– А что это вы, милый мой, показываете мне, своему наставнику, язык?

Гвоздик испугался, но не очень. Он встал и объяснил господину учителю, что это просто привычка: трогать языком родинку. И на всякий случай сказал:

«Простите, я больше не буду».

– Очень хорошо, что не будете. А чтобы вы скорее избавились от столь дурной привычки, мой долг вам помочь. Прошу-с...

Гвоздик вздохнул и пошел. Но когда Нус-Прошус взял его за плечо, случилось небывалое. Учительский стул полетел в угол, а сам наставник взмахнул в воздухе лаковыми башмаками, грохнулся на четвереньки и в таком положении выбежал за дверь, открыв ее головой. Вслед ему полетели обломки трости. Все обмерли. А Гвоздик стоял и смущенно потирал коленку, о которую перешиб палку господина Шпицназе.

Дело в том, что Гвоздик, хотя и был тонкий и маленький, знал кое-какие приемы. Лихие матросы из экипажа канонерской лодки «Не тронь меня» научили его, как даже щуплый мальчик может бросить через себя взрослого дядьку. Главное, чтобы неожиданно...

Ученик Дик и учитель Шпицназе были исключены из школы одновременно. Гвоздик – за то, что осмелился поднять руку на своего наставника. А Нус – потому, что позволил на глазах всего класса разрушить учительский авторитет.

Говорили потом, что Шпицназе пошел служить агентом в частную сыскную контору. А Гвоздик оказался на неожиданных и бессрочных каникулах, которые совсем его не радовали.

4. Старое кресло. – Загадка «Лакартеры». – Сокровища. – Проклятие капер-адмирала Ройбера. – «Это не мама».

– Дядя Ю, – осторожно сказал Гвоздик, – у нас ничего не осталось от той краюшки, которая была на обед?

– Ох, Дикки... Ты же сам замел последние крошки и кинул в рот. Завтра утром что-нибудь придумаем...

– До утра можно совсем отоцать... – Гвоздик делал вид, что шутит.

– Тебе, Дикки, тощать некуда, ты и так настоящий гвоздик. А я все равно не похудею. Даже в голодном детстве я был круглый, как буква «о» в названии бригантины капитана Румба.

– Дядюшка, но ведь бригантина-то называлась «Лакартера», – подумав, заметил Гвоздик. – Там нет буквы «О».

– Вот именно. Значит, я был еще круглее... – папаша Юферс тоже пытался шутить.

Помолчали.

– Дядя Ю, а правда, что твое кресло с «Лакартеры»?

– Святые угодники, покровители моряков! Я же сто раз говорил об этом!

– Но я не помню, как оно оказалось в таверне. Не сам же капитан Румб тебе его подарил!

– Еще бы! Я капитана и в глаза не видел, хотя мечтал об этом, когда был мальчишкой... Зато я слышал про него много рассказов – от тех, кто знал славного Ботончито...

– А почему у него такое прозвище?

– По-испански это значит «Пуговка». Говорят, капитан был широк в плечах и носил густые усы, но рост имел очень маленький, а нос – пуговкой...

– Как у тебя? – хихикнул Гвоздик.

– Цыц, негодник! Вздумал смеяться над дядюшкой...

– А кресло-то... Расскажи.

– Я купил его, когда распродавали имущество разорившейся пароходной компании «Лунная дорога». А туда оно попало тоже с торгов. Когда шхуну-бриг

«Лакартера» обнаружили недалеко от берегов Западной Африки, целехонькую, но без единого человека, все имущество с нее было распродано с аукциона. Вот любимое кресло Ботончито и попало в ту «лунную контору». А потом уже ко мне... Правда, говорят, у капитана Румба было два таких кресла, но нашли там только одно...

– Дядя Ю, а куда девались капитан и команда «Лакартеры»? Правда, что рассказывают, будто их унесли марсиане?

– Думаю, что марсианами тут не пахнет. Ходили слухи, будто потом капитана Румба, старого и облысевшего, видели на маленьком острове Крабья Клешня, это у северного берега Новой Колумбии. Вроде бы он там служил маячным смотрителем. Да... И с ним были его боцман, кок и старый корабельный пес... А «Лакартеру» они бросили, скорее всего, чтобы запутать следы. За ними охотились все, кому не лень. Уж больно много слухов ходило о сокровищах капитана Румба.

– Но ведь сокровищ на «Лакартере» не нашли!

– Конечно! Разве капитан был такой дурень, чтобы оставлять их, когда покидал бригантину? Да и не возил он их с собой, а зарыл, как водится, на каком-то острове в Тихом океане. Так все говорят... Теперь никто не найдет.

– А ты думаешь, капитан Румб не вернулся за кладом?

– Едва ли... Это ведь не просто, если человек окопался на берегу... А может, капитан и не хотел...

– Почему?!

– Всякое болтают, – вздохнул папаша Юферс. У него не было настроения разговаривать. Но не хотелось и обижать племянника. Даже совесть царапнула: «У тебя-то, у старой брюквы, хоть какая-то искорка есть впереди, а у мальчика – никакого проблеска...» Дело в том, что в углу у камина дядюшка Юферс прятал бутылочку испанского вина «Кровь матадора». Последнюю из старых запасов. И сегодня перед сном он собирался сделать два-три добрых глотка, чтобы ощутить хотя бы капельку праздника. А племянника-то этим не порадуешь.

И оставалось одно: порадовать занимательной историей.

– Видишь ли, Дикки... моряки поговаривают, будто сокровище капитана Румба было проклято капер-адмиралом Джугги Ройбером по прозвищу Красный Жук...

– Знаменитым корсарским адмиралом? Но ведь он жил гораздо раньше капитана Румба!

– Ты прав, малыш. Но ходят слухи, что Ботончито потревожил вечный покой адмирала Джугги.

– Как это?.. – Гвоздик придвинулся к дядюшке Ю поплотнее. Он, как вы знаете, был храбрый мальчик, однако если речь идет о вечном покое да еще при слабом огоньке свечи...

– А вот так... Красного Жука, когда он скончался от раны, полученной в бою с фрегатом «Адвенчер», похоронили у берегов Гаити на островке Омблиго Нэгро, что означает, как известно, «Черный Пуп»... Ну вот, прошло много лет, и никто не посещал последний приют старого корсара. Но однажды у Омблиго Нэгро бросила якорь «Лакартера». Капитан высадился на Пуп и отыскал пещеру, где в тайном каменном гроте, в долбленной колоде из обрубка мачты покоился Джугги Ройбер... Ты что, Дикки? Может быть, тебе страшновато?

– Ни капельки... Только зябко, поэтому я вздрагиваю.

– Прижмись ко мне покрепче... Капитан Румб приказал разобрать каменную стенку, постучал согнутым пальцем по колоде, которая висела в гроте на якорных цепях, и велел поднять окованную крышку. Под ней лежал скелет в парадном красном камзоле, с белым париком на черепе и в желтых морских сапогах с отворотами. Колода покачивалась, и, наверно, поэтому челюсть у черепа шевелилась... Ты что-то сказал, мой мальчик?

– Н-нет... дядюшка Ю...

– Ну, ладно... При свете фонаря блестело адмиральское шитье на камзоле, а от пуговиц разлетались ослепительные искры! Потому что пуговицы были украшены бриллиантами! На каждую из них можно было купить новый

трехмачтовый корабль с грузом индийских пряностей... дело в том, что из-за этих-то пуговиц и пробрался в могильный грот капитан Румб. Он слышал про них много разговоров и решился наконец проверить, правду ли болтают в портовых кабаках морские бродяги? А решиться было непросто. Все моряки твердили, что с Красным Жуком шутки плохи – хоть с живым, хоть с мертвым... Однако сейчас капитан Румб увидел блеск драгоценностей и почти позабыл о страхе. Да и чего было бояться? Рядом стояли здоровенные матросы, и у каждого за поясом по три пистолета!.. Капитан прочитал молитву и острым ножом сбрил с камзола мертвеца все пуговицы до единой. Правда, при этом он почтительно сказал:

«Прости меня, старина Джугги. Тебе эти игрушки ни к чему, а нам пригодятся. Одну из пуговиц я отдам на строительство церкви Поминовения всех сгинувших в океане...»

Но капер-адмирал Джугги Ройбер по прозвищу Красный Жук не поверил капитану Румбу. Нижняя челюсть у него зашевелилась пуще прежнего, и мертвец проскрежетал:

«Я тебя не прощаю, пройдоха Ботончито! Знай, что отныне твои сокровища не принесут тебе счастья!.. И пошел вон из моей пещеры!» – Костлявая нога в желтом сапоге поднялась и согнулась, будто капер-адмирал хотел дать пинка нечестивцу. В это же время раздался глухой шум, и...

В это время раздался глухой шум, и в камине появились ноги в желтых матросских сапогах. Они качались.

– Ма-ма-аа!! – завопил Гвоздик и зажмурился.

Вы помните: у Гвоздика не было мамы. Но что остается кричать мальчишке в такой жуткий миг?

Ноги дернулись, и хозяин их упал из дымохода на дно камина. Свеча погасла.

– Это не мама, – раздался высокий, но, безусловно, мужской голос. – Это я... Очень извиняюсь, что так внезапно. Как говорил мой дедушка, любая неизвестная узкость среди скал все же лучше, чем дверь в таможенную контору... На чем это я так неудобно сижу? А, это железная шишечка на каминной решетке... Одну минуту, господа, у меня где-то были серные спички...

5. Извинения автора. – Бег по крышам. – О резиновых пузырях и другом товаре. – Шкипер Джордж и его дедушка. – Дрова.

Здесь читатели могут упрекнуть меня: вы, мол, уважаемый автор, повторяете приключенческий трюк с камином. В самом деле, писатели неоднократно рассказывали, как их герои используют дымоход, чтобы проникнуть в разные помещения или, наоборот, покинуть их. Вспомним гимнаста Тибула в «Трех толстяках» и симпатичную Солоху в «Ночи перед Рождеством», фарфоровых трубочиста и пастушку в сказке Андерсена или, наконец, злосчастного Волка в «Трех поросятах»... Да, все это уже случилось. Но что поделаешь? У героя моей истории просто не было другого выхода. Вернее, входа. Поэтому я прошу прощения и продолжаю свой роман.

...Зашипела, зажглась лиловым огоньком серная головка. И с горящей палочкой в руках незнакомец выбрался из камина. При свете спички (да еще при свете фонаря на «Мавритании») можно было рассмотреть мятую широкую шляпу из кожи, суконную куртку и худые, перемазанные сажей руки. Лицо было тоже худое, со вздернутым носом и темными усиками.

Гвоздик слегка пришел в себя, сообразил, что это не капер-адмирал Ройбер, а вполне живой человек. И, разумеется, не грабитель, потому что грабить в этой комнате было нечего.

Дядюшка Юферс тоже справился с удивлением.

– Раз уж вы... гм... вошли, давайте зажжем снова свечку, – ворчливо проговорил он.

– Охотно... Ох, эта шишка на решетке... Прошу прощения...

Свечка зажглась, и опять стало посветлее. Незнакомец оказался молодым и симпатичным, глаза блестели.

– Ай-яй! – воскликнул он. – Это что же? Значит, я попал к папаше Юферсу? А этот молодой человек – ваш племянник? Ради одной такой приятной неожиданности

стоило проделать путешествие по крышам, хотя я трижды чуть не съехал на мостовую, что привело бы к очень грустным последствиям...

– Это действительно я, – отвечал дядюшка с некоторым раздражением. – Но вас я, кажется, не имею чести знать...

– Так, и что же вы думаете, я этого не понимаю? – вовсе не обиделся незнакомец. – Разве папаша Юферс мог запомнить всех посетителей своего знаменитого заведения! Однако, если я возьмусь утверждать, что кто-то из моряков не знает хозяина «Долбленой тыквы», так меня поднимут на смех все портовые мальчишки от Порто-Бланко де Маэстра до Мариуполя...

– Увы, бывшего хозяина...

– Я слышал о ваших неприятностях! Кто мог подумать, что судьба окажется к вам бессердечнее, чем рыночный меняла, который дает за один полновесный дукат всего одиннадцать паршивых оловянных пфеннигов!.. Вместо прекрасной «Тыквы» такая, с позволения сказать, скромная квартира...

– Но и вы, кажется, не в карете ездите, – обиделся за дядюшку Гвоздик.

– Мальчик прав! О чем говорить! Кареты у меня не было даже в лучшую пору жизни. Меня утешает лишь то, что вместо кареты я имею маленькую славную шхуну «Милый Дюк», и она...

– «Милый друг»? – переспросил Гвоздик. Ему было уже совсем не страшно и очень интересно. Как-никак приключение.

– «Милый Дюк», юноша. Дюк – это... Хотя сначала я должен объяснить, почему явился в гости столь необычным путем!

– Да уж, сделайте милость, – проворчал папаша Юферс.

– Я шел по улице адмирала Ансона и высматривал наемный экипаж, чтобы поехать за город, где в одной уютной бухточке стоит мое судно. Так хотелось встретить праздник в кругу славных товарищей и вспомнить за дружеским столом хорошие времена. Казалось бы, кому это может помешать? Так нет же,

три джентльмена в полицейской форме разглядели меня у освещенной витрины и проявили странное желание вступить в беседу. Я совсем не хотел отнимать время у этих славных людей, которым давно уже полагалось быть дома и рассказывать своим детям под елкой трогательные рождественские истории! Чтобы не затруднять этих господ, я ускорил шаги, а они – тоже. И как-то незаметно мы перешли на рысь, а потом и на размашистый бег. Мало того, одному из этих джентльменов пришло в голову достать свой револьвер и на бегу выпалить в воздух. Скорее всего, этот приветливый господин хотел порадовать меня и своих коллег праздничным салютом. Но мне досталась от мамы крайняя нервная возбудимость, и я решил продолжить свой путь уже не по мостовой, а по крышам. С детства люблю крыши, и ни один дворник не мог поймать меня среди труб и чердаков моего родного города, где я не был уже восемь лет... Прошу прощения, господа, воспоминания детства всегда отвлекают меня... Увы, на сей раз я не учел, что имею дело с профессионалами. Верные своему долгу слуги закона проворно следовали за мной по крышам портового квартала. Вы скажете: что было делать? Правильно! Я стал искать спасительную печную трубу. Но все жители старого доброго Гульстауна сидели у семейных очагов, и горячий дым возносился из каждой трубы. Мне и так предстоит жариться в преисподней за многие неблаговидные поступки, и я совсем не хотел торопить события. И наконец, увидев трубу, над которой дыма не было, я возблагодарил судьбу и... вот... право, господа, я не имел желания кого-нибудь беспокоить визитом. «Это, – решил я, – труба сушильной печи на складе, которая погашена, поскольку все встречают праздник. А в пакгаузе, среди тысяч тюков и бочек я отсижусь, пока не стихнет этот неприличный шум, и аккуратно выберусь наружу...» Еще раз приношу свои извинения вам, господин Юферс, и вам, молодой человек...

– Хотелось бы знать, однако, почему полиция пожелала познакомиться с вами, – придирчиво проговорил папаша Юферс. – Вы с виду моряк и не похожи на жулика или взломщика...

– Вы правы, сударь! Я моряк всей душой! Шкипер Джордж, с вашего, позволения. Или капитан Джордж Седерпауэл, если угодно... Ах, господа, мама не раз говорила мне в детстве, чтобы я выбрал себе спокойное береговое ремесло. «Мальчик мой, – говорила она, – если ты не станешь ходить в школу так же часто, как наш сосед дядя Жан Козловский в питейное заведение месье Шнеерсона, ты кончишь, как твой папа, который был боцманом на барке «Черный пудель», никогда не жил дома, ничего не заработал на старость и потому не дожил до старости, а умер от горячки, когда судно возвращалось домой через Босфор...» Но как, я вас спрашиваю, может сделаться из человека

сухопутный житель, если морская соль была растворена у него в крови раньше, чем он появился на свет? Мой прадедушка служил бомбардиром на каперском бриге славного капитана Христофориди, а дедушка Анастас Сидоропуло был известен как самый умелый шкипер и самый лихой... гм, торговец в наших гостеприимных водах. А я унаследовал от дедушки любовь к парусам, неприязнь к полицейским и таможенным чинам и его честное имя... Уже потом портовые конторщики переделали эту древнюю фамилию на привычный их слуху европейский манер...

– Стойте, стойте! – оживился папаша Юферс. – Значит, вы тот шкипер, про которого сам премьер Кроуксворд вспоминал в разговоре с журналистом «Гульстаунских ведомостей»? Он грозил вас повесить, как только вы попадете в руки властей!

– Увы! Наш премьер очень вспыльчивый человек, это не делает ему чести. И кто бы мог сказать, что глава правительства проявит такую мелкую мстительность из-за партии детских игрушек, которые я недавно привез в страну, забыв случайно, что они у нас под запретом?

– А что за игрушки? – оживился Гвоздик.

– Ах, мальчик, это всего-навсего невинные резиновые пузыри с пищалками! Их надуваешь, а они начинают смешно кричать «уйди-уйди-уйди!» Так и что же? Господину Кроуксворду пришло в умную голову, будто это намек, чтобы он уходил в отставку! И вот – запрет. Над этим смеются все торговцы в портовых лавках от Макао до Бердянска!..

Дядюшка Юферс возбужденно потирал руки. Будто повеяло на него прежним воздухом «Долбленой тыквы».

– Но слышал я, – усмехнулся он, – что дело не только в резиновых пузырях. Будто бы еще капитан Седерпауэл без позволения правительства вывез и продал на каком-то дальнем острове партию нарезных ружей системы «Браунинг».

– Ах! – воскликнул шкипер Джордж. – Чего только не болтают злые языки! Какая там «партия»! Несколько дюжин! И не «Браунинг», а «Бергман»... Так и что? Не мог же я отказать в маленькой любезности королю независимого острова Нуканука, его величество всегда был так добр ко мне!.. Что?.. Мое чуткое ухо

ловит шум снаружи. Ах, господин Юферс, не случилось бы еще гостей из камина! В мундирах и с кобурами...

– Гм... Я полагаю, что они все-таки пойдут через дверь. Хотя от этого не легче, – обеспокоился папаша Юферс.

– Они пойдут к тому, над чьей трубой нет дыма! – воскликнул шкипер Джордж. – Папаша Юферс, во имя святого Рождества, разожгите скорее камин!

– Легко сказать! У нас ни щепки!

– Папаша Юферс! На такое дело годится любая мебель! Вы ведь не позволите несчастному скитальцу морей отправиться в тюрьму, когда все люди встречают праздник!

– Но что делать? Стол железный, кровать не разломаешь без топора, а его у нас нет!

– А кресло!..

– Вы с ума сошли! Это кресло с «Лакартеры»!

– Папаша Юферс! Если оно дорого вам как память, я расплачусь всей выручкой от груза «Милого Дюка»!

– Вы дурень, шкипер Седерпауэл! При чем тут выручка! В этом кресле сидел сам знаменитый Ботончито!

– Ну, что ж... – печально произнес шкипер Джордж. – Наверно, хорошо сидел. Мне сидеть будет не так уютно, когда господа из полиции проводят меня в береговую тюрьму под названием «Желтая Молли»... Я пойду, господин Юферс. Пускай меня арестуют на улице, не хочу причинять вам лишние неприятности. Как рассуждал мой дедушка, «если тебе грозит возможность быть продырявленным из ружья, имей совесть, не надевай чужую жилетку...» До свиданья. Мальчик, слушайся дядю...

– Дядя Ю! – воскликнул Гвоздик. – Нельзя же так! Ты сам говорил, что моряки должны выручать друг друга!

– Я не моряк, а трактирщик! Причем разорившийся, – огрызнулся папаша Юферс. И сбросил с себя дырявый плед. – Почему я не могу подумать полминуты, прежде чем расстаться с последней любимой вещью?.. А-а-а, пропади такая жизнь! – Он поднял тяжелое кресло над головой и обрушил на половицы. Отскочили деревянные львиные лапы. Хрустнула спинка. Дядюшка тяжело прыгнул на сиденье и затоптался на нем.

...Через минуту кресло превратилось в дрова. Сперва лакированное дерево не хотело гореть, но шкипер Джордж своим тяжелым ножом нащепал из ножек лучины, и пламя загудело в камине. Не празднично, а как-то злорадно. Шкипер и Гвоздик побросали в огонь все обломки и даже кожаную обивку спинки – чтобы гуще шел дым из трубы. На полу остались железные пружины, а папаша Юферс прижал к животу квадратную кожу с сиденья – последнюю память о кресле капитана Румба.

За дверью на лестнице послышались решительные шаги нескольких человек.

– Идут... – выдохнул шкипер Джордж. – Все-таки идут! Клянусь табакеркой дедушки Анастаса, это они!.. – Он опустил на корточки и быстро полез под кровать, потому что иного укрытия в камерке не было.

6. Сержант Рупперс. – Находчивость Гвоздика. – Свиная кожа. – El tesoro cardinal.

В дверь крепко и официально застучали.

– Кого там принесло! – бесстрастным голосом ни в чем не виноватого человека откликнулся папаша Юферс.

– Портовая полиция! Откройте!

Ворча, дядюшка отодвинул засов. Трое заснеженных полицейских шагнули в камерку. Запахло зимой и сырым сукном.

– Просим прощения, – прогудел пожилой грузный сержант. – Мы разыскиваем опасного контрабандиста. У вас его нет?

– Разве что вот он, – хмыкнул папаша Юферс и кивнул на Гвоздика. Тот, сияя безбоязненной улыбкой, глядел на полицейских.

– Понимаете, преступник ускользнул в какую-то каминную трубу, – слегка виновато разъяснил сержант. – Нам показалось, что именно над вашей трубой нет дыма, вот мы и...

– Дровишки сухие, без дыма горят, – с горьким юмором сказал папаша Юферс.

– Однако для порядка надо бы осмотреть комнату...

– Валяйте... – с храбростью отчаяния отозвался дядюшка.

– Кроме как под кроватью, и смотреть негде... – весело подал голос Гвоздик. Он тоже понимал, что единственный выход – это нахально идти навстречу опасности. – Только, ох, и паутины там!

– Да ладно, сержант, пошли по домам, – заворчал один из полицейских. – А то наследим тут слякоть. Он небось удрал через мастерские. Теперь ищи-свищи...

– Апчхи! – раздалось в этот миг под кроватью. Все замерли. Первым опомнился Гвоздик.

– Будь здоров, дядя Ю! – закричал он. – Видишь, опять простудился! Я говорил тебе: надевай шарф, когда выходишь на улицу! Просто нет с тобой сладу, как с маленьким...

– Хм... будьте здоровы, – нерешительно проговорил сержант. И хотел было нагнуться, но, видимо, у него болела поясница.

– Вчера была ужасная сырость... апчхи, – ненатурально сказал папаша Юферс.

А Гвоздик подскочил и весело пригляделся к начальнику полицейского патруля:

– Ой, господин сержант, я вас знаю! Ваша фамилия Рупперс! Помните, весной мальчишек отнесло от берега на самодельном плоту и вы догоняли его на лодке? Я там тоже был. Вы еще обещали сообщить каждому домой, чтобы нам попало как следует!

– Н-да... – отозвался сержант. – Было что-то подобное. Только вот сообщить я, к сожалению, так и не собрался...

– Я ничего не знал об этом деле, – сурово заявил папаша Юферс. – Уж я прописал бы тебе путешествие на плоту!.. Что делать с такими сорванцами, господин сержант?

– И не говорите! У меня у самого трое. Дома – дым коромыслом...

– Дядя Ю! – опять подскочил Гвоздик. – Почему бы тебе не угостить сержанта Рупперса и господ полицейских стаканчиком вина в честь праздника? Они так продрогли, а у тебя ведь есть бутылочка!.. Господин Рупперс такой добрый, даже не пожаловался тогда!..

– В самом деле... апчхи, – сказал папаша Юферс. – Бутылочка «Крови матадора». А, господа? К сожалению, стакан у меня всего один, однако можно и по очереди. А я глотну из горлышка... А то вы и в самом деле станете чихать, как я...

Сержант Рупперс переступил сырыми ботинками.

– Весьма благодарен. Только сами понимаете, мы на службе.

– Не отказывайтесь, господин Рупперс, – быстро прошептал Гвоздик сержанту. – А то он выпьет всю бутылку сам и уснет, а мне будет скучно...

– Что он там шепчет? – притворно заворчал папаша Юферс. – Не слушайте этого негодника, господин сержант, он всегда подшучивает над старым дядюшкой... А что касается службы, то ей не помешает глоточек старого испанского!

Помощники сержанта одобрительно закричали...

С «Кровью матадора» было покончено в два приема. После чего полицейские пожелали дядюшке и племяннику счастливого Рождества и загрохотали башмаками по лестнице. Дядюшка помахал им вслед пустой бутылкой и задвинул засов.

Тогда, пятясь, выбрался из-под кровати шкипер Джордж.

- Как говорил мой дедушка...

- Не знаю, что говорил ваш дедушка, а у меня теперь ни любимого кресла, ни даже глотка в бутылочке. Последней радости не осталось. И присесть не на что. Разве что постелить прямо на пол эту кожу...

- По-моему, лучше прибить ее на стену, - предложил Гвоздик. - Будет все-таки память о кресле. И о капитане Румбе...

- Кресло-то было красивое. А кожа что? Раньше на ней было золотое тиснение, да все вытерлось... Хотя с другой стороны...

- А что с другой стороны? - подвинулся к дядюшке Гвоздик.

- Я вспомнил, как писал великий Андерсен: «Позолота сотрется, а свиная кожа останется...»

- Да я не про Андерсена! Тут что-то написано на другой стороне. На коже!

- Где?

Все трое столкнулись над кожей головами у догорающего огня. На шероховатой изнанке темнели буквы и цифры:

La Cartera del Botonchito

El tesolo cardinal

S- 22°32'O- 61°44'[2 - Охотников искать этот остров автор предупреждает: координаты даны условно, с большим смещением.]

Isla Quijada del tiburón

Abajo de ® en espejo[3 - Вниз от ® в зеркале.]

- Клянусь «Дюком», это координаты... - пробормотал шкипер Джордж.

- Ботончито... - выдохнул Гвоздик. - Капитан Румб...

- Главное сокровище... - обмирая, прошептал папаша Юферс. - Это по-испански. Остров Акулья Челюсть...

- Совсем рядом с островом Нуканука! - воскликнул шкипер Джордж. - С ума сойти! Клянусь кремневым пистолетом дедушки, у меня еще не было такой удачи!.. Сеньоры, вперед!

- Куда? - подскочил Гвоздик.

- Мальчик еще спрашивает! «Милый Дюк» готов к отплытию!

- Прямо сейчас? - испугался папаша Юферс.

- Или у вас завтра торжественный бал с шампанским и ананасами? Или вам надо собрать много чемоданов?

- Я только захвачу с собой свою рукопись!

- Давно бы так! Конечно, мой «Дюк» - не клипер «Ариэль», но через три месяца, если повезет, мы окажемся на месте!..

- Дядя Ю! Это будет твоя лучшая морская история!

- Дикки, положи в карман зубную щетку! И застегни пальто... Ох, какое куцее! Подтяни чулки, а то ознобишь коленки... Ну и что же, что дыры, все-таки

теплее... Где твой берет? Как это «давно потерялся»? Тогда надень как следует капюшон... Что значит «натирает уши»? Я тебе сам сейчас так их натру!..
Капитан Седерпауэл, вы не боитесь брать на судно такого упрямого мальчишку?

7. Тропинка среди скал. – Неожиданная встреча. – Морковка. – Сожаления Гвоздика. – «Милый Дюк».

Втроем они осторожно спустились по пыльной и гулкой железной лестнице. Гвоздик первым высунул нос на улицу: нет ли опасности. В сумерках по-прежнему сыпались с высоты мягкие хлопья. Но теперь тянул ветерок, и снегопад превратился в пушистую метель. Никого за метелью не было видно.

Пустынными переулками папаша Юферс, шкипер Джордж и Гвоздик выбрались на улицу Короля Якова. Здесь горели желтые фонари и была стоянка наемных экипажей. Кучер в заваленной снегом шляпе согласился отвезти трех пассажиров к заставе «Коровьи ворота», но ради праздника и метели заломил тройную цену.

Шкипер Джордж не стал торговаться:

– Вперед! – и первым полез в крытый кожей возок.

Ехали около получаса. Мягко покачивало. Гвоздику стало чудиться, что все это – во сне. Но нет, все было по правде. Экипаж остановился, и пришлось выбираться под летящий снег. Теперь он уже не казался мягким и ласковым. Противно прилипал к щекам и холодными пальцами хватал сквозь прорехи за ноги. А ветер, дувший вдоль обрывистого берега (разумеется, в лицо) стал резким, продувал жидкое пальто и хотел сорвать капюшон.

За каменной аркой заставы кончились лачуги с бледно светившимися окошками. Сквозь метель и низкие летящие облака иногда проглядывал месяц. При его размытом бегущем свете путешественники двинулись по берегу. Среди камней вилась тропинка, но местами ее совсем занесло, и снег набился Гвоздику в широкие разношенные ботинки.

Дядюшка Юферс вздыхал и сопел, как больной слон. И наконец спросил:

– Далеко ли еще?

– Недалеко, господа! Уютная бухточка, где стоит «Милый Дюк», совсем рядом... А там нас ждет ужин в маленькой, но теплой кают-компании и общество надежных друзей... Вперед!

Это только так говорилось – «вперед!». А на самом деле тропинка по камням и гранитным уступам повела вниз. А потом потянулась по карнизу над морем. Теперь сверху были скалы, а внизу обрыв. Под ним ворочались и ворчали невидимые за снегом волны. И пришлось еще долго идти вот так, в снежной мгле, над опасной пустотой, хватаясь за скальную стену и осторожно ставя ноги между каменными осколками.

Гвоздик двигался впереди. Шкипер Джордж объяснил:

– Если ты поскользнешься, я успею схватить тебя за шиворот... А вы, папаша Юферс, держитесь за хлястик моей куртки... Осторожнее, скоро поворот.

Гвоздик первым обогнул скалу. И... увидел в обрывках лунного света неподвижного человека. Резким движением человек откинул плащ, и разлетелся ярко-лимонный свет фонаря. Гвоздик шарахнулся назад. Он узнал незнакомца.

Это был учитель Шпицназе.

Вернее, бывший учитель. А сейчас – агент сыскного бюро.

– А-а! – весело сказал сыщик Нус. – Наконец-то! Я продрог, ожидая вас на этой тропинке... Ай-ай-яй, мальчик совсем озяб. Ну, ничего... – Он точным движением поставил фонарь на выступ скалы и достал из-за пазухи длинный пистолет. – Руки вверх, господа. И не надо делать глупостей. Если вы вздумаете бежать или сопротивляться, я могу нечаянно выстрелить в мальчика. Это будет крайне печально для всех нас. Вы ведь очень любите вашего племянника, папаша Юферс? Что касается меня, то я обожаю своего бывшего ученика, хотя между нами и были некоторые недоразумения...

Левой рукой сыщик Нус вытащил из кармана железные наручники. Они качались на цепочке и звенели, как шлюпочные ключи, когда гребцы несут их к пристани.

– Господин Седерпауэл, весьма сожалею, но эти браслетки мне придется надеть на вас... Не надо движений, капитан! А то я и правда могу нажать на спуск! – И господин Шпицназе сунул пистолет прямо под нос Гвоздику. От ствола пахло сгоревшим порохом и холодным железом.

Обрывки перепуганных мыслей прыгали в голове у Гвоздика. Хоть снова кричи «мама»... Но вы же знаете, что он был находчивый мальчик. И одну спасительную мысль ухватил за хвост!

– Как же вы сможете выстрелить, если в дуле торчит морковка?!

– Что? – Нус повернул ствол к себе, чтобы разглядеть морковку.

Бах! – Гвоздик головой ударил сыщика в тощий живот.

– А-а-а!! – Нус, пытаясь задержаться на тропинке, замахал над обрывом руками. Трах! – это он то ли нарочно, то ли с перепугу нажал спусковой крючок, и на голову Гвоздика посыпались со скалы каменные крошки. Выстрел сослужил плохую службу господину Шпицназе. Отдача пистолета толкнула его в руку, и равновесие окончательно нарушилось. Жалобно вопя, сыщик Нус полетел в темную кашу из метели и волн...

И – словно не было господина Шпицназе. Если бы не фонарь.

Шкипер Джордж взял фонарь с уступа.

– Пригодится... Хорошо, что этот шпион ждал нас один. Частные сыщики любят работать в одиночку, это их ошибка... Мальчик, ты герой!

Но Гвоздик совсем не чувствовал себя героем.

– Я не хотел... Он теперь потонул, да?

– Ох, какие неприятности... – постанывал папаша Юферс и прижимал к груди свою рукописную книгу, завернутую в грубую кожу от кресла.

– Хм... Возможно, что и не потонул, а выбрался внизу на скалы, – с ненатуральной бодростью сказал шкипер Джордж. – И не переживай так, юнга. Ведь этот негодяй чуть не пристрелил тебя!

– Все равно... – зябко вздохнул Гвоздик.

– Вперед! – велел шкипер Джордж и взял его за руку.

Через минуту они оказались на берегу тесной бухточки с обрывистыми берегами. По выбитым в скале ступеням спустились на галечный пляж. Здесь не было волн, и темная вода лишь слабо лизнула ботинки Гвоздика. За метелью Гвоздик разглядел обрисованные снегом снасти небольшого парусника без огней, тот стоял на якоре в палукабельтове от берега.

Шкипер Джордж помахал фонарем и лихо засвистел.

– Это вы, капитан? – донесся со шхуны зычный голос.

– А кто же еще?! Может быть, господин премьер Кроуксворд решил самолично нанести вам праздничный визит? Спускайте ялик, бездельники, и поскорее, со мной гости! Готовьтесь поднять грота-стаксель и кливер да поработать на шпиле! Сейчас мы потихоньку выползем из бухты, а потом я за праздничным столом кое-что расскажу вам!..

Вторая часть

ШХУНА «МИЛЫЙ ДЮК»

1. Пробуждение. – В океане. – Педро Охохито и шкипер Джордж. – Гвоздика учат морским наукам. – Остров Тенериф.

Снег летел так стремительно и густо, что забивал открытый для крика рот. В этой жуткой метели опять возник сыщик Нус. Поднял пистолет. Было ясно, что на этот раз он промаха не сделает. И бежать некуда. Гвоздик безнадежно зажмурился. Выстрела не было... Гвоздик опять открыл глаза.

Над ним, под выгнутой балкой, качался стеклянный шар с медным донышком и проволочными кольцами. Вокруг были тесные дощатые стены. Гвоздик лежал под шерстяным одеялом на узкой деревянной койке, раздетый. Койку и все вокруг медленно поднимало и опускало... Гвоздик понял наконец, что балка держит на себе палубу и называется «бимс». А шар под ней – корабельный фонарь. Огня в фонаре не было, на стекле горела солнечная точка. Потому что в прозрачный люк пробивался луч.

Снег и сыщик Нус отодвинулись далеко, спрятались в дальнем уголке памяти. Потому что (ура!) Гвоздик был, без сомнения, на шхуне «Милый Дюк», а шхуна шла в океане.

Вторая койка напротив была пуста. Одежда Гвоздика лежала на прибитом к переборке стуле. Гвоздик натянул штаны и рубашку сунул ноги в заскорузлые высохшие ботинки, чуть не упал от нового плавного качка и полез по крутому трапу к люку. Поднял, отвалил тяжелую крышку с квадратным иллюминатором.

Он увидел высокое бледно-синее небо с клочьями серых и желтых облаков. Увидел мачты с круто выгнутыми гафельными парусами, с густой сеткой снастей. На передней мачте, над косым фока-триселем надувалась и слегка дрожала тугая ткань поставленных на рях (как у бригов и фрегатов!) прямых парусов. Марсель и брамсель! На утреннем солнце ткань казалась желтоватой, с золотистым отливом. Над верхним реем, подрагивая крыльями в потоках воздуха и не отставая от шхуны, неслись две громадные чайки... Гвоздик задохнулся от тихого восторга.

Стукнувшись коленками о комингс люка, он выбрался на палубу.

За кормой виднелась туманная, далекая уже земля. Впереди и вокруг была серовато-синяя Атлантика. Она мягко, словно великанскими ладонями, поднимала и опускала шхуну на пологих волнах. Эти складки океана – без гребней, гладкие, длиной чуть ли не в кабельтов – были почти незаметны, и

только ритмичные ощущения медленных взлетов и падений давали почувствовать, как дышит океан.

Резкая свежесть охватила Гвоздика, ветер забрался под рубашку. Ведь как-никак время-то было зимнее. Но он только обнял себя за плечи и не ушел с палубы.

Неподалеку стоял у штурвала синеглазый бородач в широченной вязаной фуфайке. Он подмигнул Гвоздику.

Ба-бах! – раздался двойной выстрел. Гвоздик подскочил и оглянулся. Горбоносый дядька в шляпе, похожей на ведро, стоял у фальшборта и продувал двухствольный пистолет. А в воздухе переливались и сыпались в воду стеклянные осколки.

Стрелок посмотрел на Гвоздика. И обрадовался:

– Салюд, мучачо![4 - Привет, мальчик (исп.)] Иди сюда!

Гвоздик, покачнувшись на ушедшей опять из-под ног палубе, подошел.

– Здравсте...

– Салюд! – вновь обрадовался стрелок. – Я про тебя все знаю! Ты – Гвоздик, и я буду звать тебя Клавито! Потому что я испанец! Меня зовут Педро Охохито, что означает, разумеется, «Меткий глаз»! Но, чтобы оправдывать это славное имя, мне приходится упражняться каждое утро... Подсоби мне, Клавито! Сейчас я перезаряжу пистолет, а ты подбросишь две бутылки! Договорились?

– Конечно! – радостно согласился Гвоздик.

С десятков пустых бутылок разной формы стояли у ног Охохито. Он шомполом забил в стволы заряды. Двухствольный пистолет был музейного вида, с кремнями в клювах курков.

– Это старое, но прекрасное оружие, – гордо пояснил Охохито. – Оно досталось мне от прадедушки дона Альфонсо Карлоса Хосе Марии де Кастаньетто де ла

Кабанья. Дон Альфонсо был знаменитый человек в Антильских водах, ему грозил отрубить голову сам губернатор Ямайки сеньор Лопес Квадрига, но не успел... Ты готов? Бросай!.. Нет, постой! Скажи, куда стрелять? Расшибить у каждой бутылки дно или отбить горлышко?

- Горлышко! - воскликнул Гвоздик, не веря, что Оохито и правда выстрелит столь метко. И присев, швырнул вверх две тяжелые бутылки. Ба-бах! - горлышки у обеих бутылок отлетели, словно срезанные ударом сабли.

- Ну, что? - горделиво сказал Оохито.

- С ума сойти! - искрение восхитился Гвоздик.

- Вот видишь!.. А теперь смотри; на грот-мачте, вон там ниже салинга, сидит муха. Сейчас я...

- Оохито! - раздался звонкий знакомый голос. Над люком у грот-мачты возникла голова шкипера Джорджа. - Что тебе сделала несчастная муха, которая так же, как все, хочет жить, радоваться и кушать свою долю земной пищи! Опять ты дырявишь пулями рангоут вместо того, чтобы идти на камбуз и... я уж не говорю - приготовить вовремя завтрак, но хотя бы помыть посуду после вчерашнего ужина!

- Капитан! - с достоинством отвечал Педро Оохито. - Посуда вымыта, а что касается завтрака, то его взялся готовить папаша Юферс. Он сказал, что берет камбузное хозяйство на себя! Отныне вы не будете обвинять меня, потомственного кабальера, что я использую для котлет стоптанные подошвы ваших старых башмаков!.. Клавито, не верь, когда про Педро Оохито рассказывают небылицы. Это от зависти, мучачо! Никто из этих болтунов не может попасть на лету дикому гусю прямо в глаз. Но эти люди думают, что если меткий Педро умеет без промаха настрелять дичи, то он должен так же умело жарить ее! Они выбрали меня коком, но разве я просился на эту должность? Я имею звание подшкипера по категории испанского коммерческого флота и мог бы даже стать вторым помощником капитана!..

- Ну и будь им, если хочешь, только не проси прибавки к жалованью. Или можешь считать себя начальником судовой артиллерии. Правда, у нас нет пушек, но бывают же адмиралы без флота и министры без портфеля... Смотри,

мальчик совсем продрог, слушая нашу несерьезную беседу! Гвоздик, иди в кубрик, тебе дадут горячего бразильского кофе и без лишних формальностей зачислят в дружный экипаж нашего «Милого Дюка»... Эй, старина Питер, увались-ка малость под ветер, а то сейчас брамсель начнет полоскаться, как полковое знамя!..

Все, кто ходил под парусами, знают, что судно при хорошем ветре сродни музыкальному инструменту. Гудит на мачтах тугое полотно, струнно поют натянутые тросы, бьют в звонкий борт пенные гребешки и звуки певуче отдаются в гулком корпусе, как в скрипке или гитаре... Эта музыка отзывается и в душе у всякого прирожденного моряка. А если тебе десять лет, и ты первый раз в океане, и если нет ни штилей, ни грозных бурь, а шхуна при ровном зюйд-осте в пять баллов бежит к юго-западу курсом то галфинд, то крутой бакштаг, а старый голландский лаг, брошенный с кормы, мотает ровную скорость в четырнадцать узлов... В общем, вы поверите, что каждое утро Гвоздик просыпался в состоянии тихого ликования, а дни за днями летели стремительно, как встречные чайки.

Совершенно некогда было скучать. С утра он помогал дядюшке Юферсу на камбузе, потом все по очереди учили юнгу матросским наукам. Боцман Том Бензель, добродушно ворча (не на Гвоздика, а на белый свет и на свой ревматизм), показывал морские узлы. Причем такие хитрые, каких не было и в Такелажном атласе Адмиралтейства. Научил даже, как вязать и (главное!) как развязывать «кукиш сатаны». При этом сказал только: «Смотри, чтобы не узнал наш храбрый Беппо...»

Здесь сразу надо сказать про Беппо. По-настоящему его звали Боб Мак-Каррон, он был шотландец. Но смуглый, с глазами как маслины, он очень походил на южанина. Вот и прозвали его Беппо Макарони, говорили, что итальянец. В ту пору существовало мнение, что итальянцы среди моряков – самые суеверные. А уж суевернее, чем Беппо, наверно, вообще было никого не сыскать. Он боялся поглядеть через левое плечо на пролетающего альбатроса говорил, что на трап надо ступать только с правой ноги; начиная заплетать такелажный конец, обязательно обвязывал запястье шерстяной ниткой – от нечистой силы; ужасно боялся историй о мертвецах и всегда отходил в сторонку, если на баке затягивали песню:

Отчего так екнуло в печенке

И ползут (ох!) по спине мурашки?

Это кто же там сидит в бочонке,

Весь такой мохнатенький и страшный?

Но зато Макарони подарил Гвоздику кожаный морской пояс с пряжкой в виде скрещенных якорей...

Братья-близнецы Джим и Джон по прозвищу Два Сапога Пара учили Гвоздика стоять у штурвала и держать курс по компасу. И это дело он усвоил раньше, чем наловчился отличать Джима и Джона друг от друга... Бородатый старина Питер объяснял Гвоздику, как разбирать морские сигналы...

Короче говоря, все старались и приласкать Гвоздика, и обучить его чему-нибудь полезному – и Харро Бланко (большущий одноухий негр с Антильских островов), и вежливый японец Сакисаки, и Боб Кривая Пятка (который любил плясать, но обязательно падал в конце танца), и даже всегда надутый Чинче (что означает «Кнопка»). Чинче за свой короткий рост был обижен на всех в мире и только на Гвоздика никогда не сердился. Играл с ним в чехарду. Потому что хорошо мальчишке быть единственным ребенком среди взрослых – все тебя любят и балуют, – но ведь хочется порой с кем-нибудь поиграть по-ребячьи.

Но надо сказать, что Гвоздик не очень позволял себе роль балованного мальчика. Ясно же, что он хотел стать настоящим моряком и понимал: надо корабельную науку изучать всерьез. Поэтому старательно повторял названия снастей и очень охотно слушал капитанского помощника Сэмюэля Сэмюэльсона, когда тот объяснял про карты и штурманские инструменты.

У помощника было прозвище Сэм Ошибка. Потому что он отличался деликатностью и каждый разговор начинал так: «Может быть, я ошибаюсь, но...» Однако при прокладке курса он сроду не ошибался. «Милый Дюк» бежал как по ниточке прямо к порту Санта-Крус на Канарских островах. Там решено было сделать запасы для дальнего и уже безостановочного рейса.

Чем ближе к югу спускался «Милый Дюк», тем становилось теплее. Гвоздик уже бегал по шхуне без рубашки и босиком. И с нетерпением смотрел вперед, чтобы первым закричать: «Земля!»

Но хотя Гвоздик и соскучился по суше за две недели плавания, долго на берегу задерживаться не хотел. С нетерпением ждал, когда кончится погрузка. Город не очень обрадовал его. Конечно, звучит здорово: «Санта-Крус, остров Тенериф», но улицы оказались пыльными, жители какими-то скучными, а пальмы походили на большие швабры. И только знаменитый Тенерифский пик радовал Гвоздика в дни стоянки. Его белый конус висел в небе выше облаков как бы без всякой опоры и казался осколком чужой планеты. И он был виден еще целый день после того, когда сам остров и город скрылись за кормой...

2. От острова Тенериф до мыса Горн. – Вечерние истории. – Мама шкипера Джорджа. – Парус на горизонте.

Что еще сказать про это плавание? «Милый Дюк» резво бежал по Атлантике проторенным путем. Этот путь описан во многих сочинениях о кругосветных плаваниях девятнадцатого века. Там есть и про летучих рыб, и про китов, и про светящееся по ночам море, когда по воде разбегаются огненные струи, спирали и шары, и про блеск южных созвездий, и про небывало яркие закаты. Все это видел Гвоздик и был счастлив...

Помощник капитана Сэм Ошибка однажды сказал:

– Какая славная погода! Может быть, я ошибаюсь, но если так пойдет, через три дня будет экватор...

Беппо Макарони трижды плюнул через плечо.

Но зря Беппо боялся – ничего плохого не случилось. И экватор перешли при ровном восточном ветре в три балла и небольшой пологой волне. Дядюшка Юферс, привязав бороду из пеньки и водрузив жестяную корону, исполнил роль Нептуна. Сперва Гвоздика, а потом и всех остальных (в том числе и самого папашу Юферса с короной) окатили морской водой, после чего был устроен праздничный обед, который оказался не хуже, чем в «Долбленой тыкке»...

Южнее экватора началась опасная зона, где мореплавателей подстерегают изнурительные штили. Но судьба оказалась благосклонной к «Милому Дюку»:

небольшой, но не стихающий ветерок сдвинул шхуну по громадному земному глобусу еще ниже – в полосу пассатных ветров. С неделю шли к западу, блаженствуя в спокойном теплом воздушном потоке, потом опять круто взяли к зюйду, чтобы пересечь известные своим скандальным характером южные сороковые широты. Здесь шхуну потрепало, но вполне терпимо, и Гвоздик почти не боялся. Видимо, бог морей Нептун симпатизировал шкиперу Седерпауэлу. Или Гвоздику?

Делалось все холоднее, хотя в этом полушарии было лето. И вот однажды рано утром, в середине февраля, шкипер Джордж разбудил Гвоздика и папашу Юферса в их тесной двухместной каютке, похожей на дощатый ящик. Позвал на палубу. Было пасмурно и зябко, с юга ветер гнал небольшую волну. Реяли громадные альбатросы. Справа в тумане возвышалась темная скала.

– Мыс Горн, – сказал шкипер Джордж с таким удовольствием, словно сам поставил этот мыс тут, на южном кончике Америки. – Нет, господа, это невероятно! Обойти кап-Горн в тихую погоду! Такое случается раз в сто лет! А?..

– Мы ведь еще не обошли, – осторожно заметил Макарони и на всякий случай поскреб ногтем по деревянному планширу. Но он зря опасался. Все кончилось благополучно, и «Милый Дюк» взял курс на норд-вест, опять в тропические воды.

...Снова светилось море. Снова небывало яркими гроздьями горели в черном небе южные созвездия. А когда вставала круглая луна и разматывала через весь океан свою серебряную дорогу, можно было задохнуться от изумления такой красотой...

Порой казалось Гвоздику, что не осталось никого на планете, кроме экипажа «Дюка». И земли никакой нет, а только океан. Прежняя жизнь, Гульстаун, таверна, твердые берега и каменные улицы вспоминались смутно и без сожаления. Пожалуй, только о Джекки Тимсоне думал Гвоздик с легкой грустью. Хоть и ссорились иногда, а все-таки были приятелями...

Лишь одно черное воспоминание портило временами радость плавания: как закричал и ухнул со скалы бывший учитель Шпицназе. Но думал об этом Гвоздик все реже и реже. Прошлые, «сухопутные» дни казались удивительно далекими.

И еще плохо, что почти не было на «Дюке» книжек. Только навигационные справочники и Библия на испанском языке. Библию читал Макарони, а Гвоздик почти не понимал по-испански. Оставалось одно: слушать по вечерам истории из книги дядюшки. Гвоздик, правда, их знал почти наизусть, но все равно усаживался вместе со всеми по вечерам на баке. Зажигали пузатый фонарь, и папаша Юферс читал рассказ за рассказом о таинственных или смешных случаях, о всяких приключениях.

Случалось, что истории рассказывал и кто-то из матросов – еще не известные папаше Юферсу. Тогда дядюшка хватался за карандаш...

– ...Ох и славный был рулевой наш Генри Дрок по прозвищу Восьмерка, – говорил, почесываясь, Боб Кривая Пятка. – Это, значит, когда я плавал на «Серебряной курице» с капитаном Кнопом... При ровном ветре и на спокойной воде Генри мог крутить такие вензеля, что пенным следом выписывал свое имя. Будто конькобежец где-нибудь на застывшем канале в Голландии.

– Ну, выписать восьмерку – не хитрое дело, если, конечно, команда не зеваает на парусах, – ревниво замечал негр Харро Бланко, тоже отличный рулевой.

– Да не восьмерку, а слово «Генри»! – доказывал Кривая Пятка. – Я же объясняю вам!..

– Однако вы немножко врете, Пятка-сан. Извините... – не верил Сакисаки. – Так, простите, не бывает.

– Ха! «Не бывает»! Он мог еще и не такое! Однажды он поспорил на пять золотых с боцманом Дудкой, что отточенным, как карандаш, бушпритом въедет в окно таможенной конторы и выбьет им стальной зуб в пасти старшего инспектора Друмма, которого все терпеть не могли, он был взяточник. Этот Друмм имел привычку торчать у окна за своим письменным столом и пялить глаза на рейд. А контора была у самого берега...

– И выбил? – удивлялся простодушный старина Питер.

– А как же! Подкатил к пирсу круто-круто в бейдевинд, привелся до мордотыка[5 - Специфическое морское слово. Означает положение судна, когда ветер дует навстречу.], въехал по инерции бушпритом сквозь стекло – и готово... Но боцман

Дудка золотые не отдал, заспорил. «Ты, – говорит, – попал не в стальной зуб, а в тот, что рядом.» Уточнять же было некогда, потому что, само собой, пришлось уносить ноги с рейда. Хорошо, что был отвальный ветер... Да эту историю знают все в порту Сан-Кармазо.

– Кстати, недалеко от Сан-Кармазо есть островок с заброшенным маяком, – вступил в беседу боцман Бензель. – Слышал ли кто-нибудь из вас, как Билли Большой Карман однажды нашел там черную непрозрачную бутылку и, когда откупорил...

Ну и так далее. Иногда – такие истории, что живот болит от смеха. А иногда озноб по коже. Только о капитане Румбе почти не говорили вслух. Беппо Макарони утверждал, что, возможно, дух Ботончито летает здесь, неподалеку, и лучше его не раздражать праздной болтовней.

– Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, дух, если он и вправду есть, должен обитать на острове Акулья Челюсть, – возражал Сэм Ошибка.

– Что такое для духа несколько сотен миль! Дух летает быстрее звука, – объяснял Макарони и, ежась, оглядывался.

Шкипер Джордж назидательно предупреждал:

– Беппо, ты плохо кончишь, если не перестанешь верить во всякую чепуху. Моя мама уж на что суеверный человек, но и то говорит иногда: «Приметы надо уважать, но самая плохая примета, если ты дурак. Тут, сколько ни плюй через плечо, все равно будешь иметь неприятности...»

– Значит, у вас есть мама? – однажды осторожно спросил Гвоздик.

– Есть, – вздохнул шкипер Джордж. – По крайней мере, я надеюсь... Последнее письмо я получил от мамы полгода назад в Марселе. Мама пишет, что стала часто болеть и не может одна ходить к воскресной службе. Кто ей поможет? Разве что добрая соседка тетя Рива, с которой они играли, когда еще были девочками. Тетя Рива сама не ходит в церковь, но всегда ждет маму на лавочке, пока не кончится обедня... Ах, когда я вспоминаю свою старенькую маму, то прямо-таки вижу, как она сидит в своей комнатке с канарейкой и смотрит на стену, где висит картинка с надписью «Мамочке от Жоры в день ангела». Это я

нарисовал ей, когда был такой же, как ты, Гвоздик... На картинке большой корабль, на палубе стоит мальчик и машет матросской шляпой маме, которая осталась на берегу... Кто бы мог подумать, что все так печально кончится в жизни...

- Но ведь вы можете приплыть домой и повидаться с мамой!

- Да, конечно... Только сначала я должен подождать, когда забудется небольшой шум, который я устроил у берегов моего родного города. Мы помогали уйти за границу двум очень порядочным людям, и пришлось немножко пострелять над головами пограничной стражи...

Дни бежали за днями, и конец пути был уже недалеко. Всем хотелось поскорее на землю. Хотелось увидеть зелень и отведать свежей пищи и ключевой воды. Надоела еда из оскудевших трюмных запасов. Конечно, дядюшка Юферс был отличный повар, но что можно приготовить из консервов и залежалой крупы на воде, пахнущей разбухшими бочками?.. Впрочем, никто не жаловался и не болел. А Гвоздик, тот вообще чувствовал себя великолепно. Кожа его несколько раз обгорела на солнце и облезла и наконец стала шоколадной, как у туземца с южных островов, а волосы сделались почти белыми. Он стал заправским юнгой, и дядюшка уже не вздрагивал и не кричал жалобно «вернись немедленно», когда видел племянника высоко на салинге.

Вот оттуда, с высоты, Гвоздик и закричал однажды:

- Парус за кормой! Кажется, опять тот самый!

3. Таинственный парус. - Старый знакомый! - Догадка Сэма Ошибки. - Обмен любезностями. - Дуплет. - Новая опасность.

Здесь пора сказать, что от самого Тенерифа за «Милым Дюком» следовало какое-то суденышко. Оно всегда держалось в нескольких милях за кормой. Иногда оно исчезало, а потом опять над горизонтом белело крылышко. В трубу можно было разглядеть, что это одномачтовый кораблик с большим гафельным гротом и рейковым топселем. Сперва на «Дюке» удивлялись. Потом привыкли.

Решили, что кругосветные путешественники. В то время как раз пошла мода на плавание вокруг света в одиночку и маленькими экипажами на крепких и хорошо оснащенных яхтах.

– Скучновато небось одним-то, – рассуждал боцман Бензель. – Вот и держатся за нами, как на длинном буксире. А близко не подходит, потому что они деликатные...

– Да просто догнать не могут, – горделиво говорил шкипер Джордж. – За «Дюком» угонится не всякий.

Когда «деликатный попутчик» исчезал с горизонта, о нем даже тревожились. И скучали. И только Макарони намекал, что это, возможно, преследует «Дюка» призрак капитана Румба...

– ...Сейчас наконец разглядим, что за призрак, – озабоченно сказал шкипер Джордж. – Клянусь очками моего дедушки, это яхта «Фигурелла»! Она в Санта-Кресе торчала у соседнего причала, и рожа ее капитана вызывала у меня память о нехорошем... Кстати, его зовут Ганс фон Драгенногер.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Большое спасибо (исп).

2

Охотников искать этот остров автор предупреждает: координаты даны условно, с большим смещением.

3

Вниз от ® в зеркале.

4

Привет, мальчик (исп.)

5

Специфическое морское слово. Означает положение судна, когда ветер дует навстречу.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krapivin_vladislav/portfel-kapitana-rumba

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)